

УДК 9(С)6: 9(73)

*Л.В. Никитин***НАЙТИ СВОЙ ПУТЬ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ:
ТРАДИЦИОННЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ ЦЕНТРЫ США И РОССИИ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ СИСТЕМАХ (1980-2010-е гг.)**

Среди множества экономических и социальных вопросов, являющихся общими для России и Запада на протяжении ряда десятилетий, особое место занимает проблема адаптации традиционных центров тяжелой промышленности к условиям глобальной конкуренции и постиндустриальных сдвигов. Одной из наиболее перспективных линий дальнейшей экономической эволюции для таких городов является развитие банковского сектора, способного создавать квалифицированные рабочие места и быть важным источником налоговых поступлений. Необходимо рассмотреть те результаты, которые были достигнуты в кредитно-финансовой сфере рядом американских и российских городов с момента либерализации национальных банковских систем в 1980-е гг. по настоящее время. В поле исследования включены 10 исторических центров угольной и металлургической промышленности, а также тяжелого машиностроения (Бирмингем, Буффало, Детройт, Кливленд и Питтсбург в США; Екатеринбург, Ижевск, Кемерово, Магнитогорск и Челябинск в России). В основу проведенного анализа были положены большие массивы статистических данных, дополненные информацией неколичественного плана. Исследование показывает, что эти города, имея в 1980-е гг. большой стартовый потенциал для формирования и развития мощных банковских корпораций, в дальнейшем демонстрировали резко различающиеся и, очень часто, неустойчивые показатели. Особенно значительные изменения происходили в условиях экономических кризисов (рубеж 1980–1990-х гг., рубеж 1990–2000-х гг., 2008–2009 гг.) и в результате экспансии бизнеса из крупнейших финансовых центров (прежде всего, из Нью-Йорка или Москвы). Вместе с тем по итогам минувших 30–35 лет сложились как минимум два примера утверждения старопромышленных центров в качестве мощных финансовых доминант (Питтсбург в США и Екатеринбург в России), на которые могут ориентироваться и другие города.

Ключевые слова: Россия, США, 1980-2010-е гг., старопромышленные города, постиндустриальное развитие, банки.

Введение

Стремительно меняющийся современный мир выдвигает все новые требования и в политическом, и в экономическом плане. Некоторые из них являются важными лишь для отдельных стран или регионов, другие же разворачиваются в транснациональном или даже глобальном масштабе. Именно ко второй категории относится происходящий со второй половины XX в. переход от индустриальной к постиндустриальной экономике, а также его многочисленные последствия в социальной и иных сферах. Технологический прогресс ведет к сокращению доли занятых в промышленном секторе, и это (даже там, где не снижаются объемы производства) серьезно изменяет ситуацию на рынке труда.

Еще более драматические перемены происходят в регионах и городах, экономика которых долгое время строилась на трудоемких и энергоемких производствах (например, в сфере угледобычи, черной металлургии или тяжелого машиностроения), лишившихся прежней эффективности – например, из-за истощения природных ресурсов или утраты преимуществ в условиях глобальной конкуренции. В этих случаях перед местными сообществами возникает новый исторический вызов, требующий радикальной модернизации существующих производств или поиска отраслевой альтернативы (или же того и другого вместе).

Опыт постиндустриальной адаптации с большей или меньшей степенью успеха сегодня накоплен во многих старопромышленных районах Европы и Америки. При любых политических расхождениях, возникающих, например, между Россией и США, обе страны сталкиваются с целым комплексом похожих проблем, требующих изучения, а также взаимного и уважительного внимания к прорывам или неудачам, наблюдающимся в сфере экономической модернизации на другой стороне океана.

Постановка проблемы

Данная публикация посвящена одному из возможных векторов постиндустриальной адаптации – развитию банковского сектора в городах, исторически привязанных к тяжелой промышленности и стремящихся найти новую экономическую опору. Этот вопрос рассматривается на примере ряда городов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки.

Выбор названных стран определяется целым рядом обстоятельств, прежде всего наличием внутри каждой из них широкого спектра локальных экономик с тем или иным набором приоритетных отраслей. И в России, и в США имеется немало угледобывающих, металлургических и машиностроительных центров с большой историей, а также с опытом изменения сложившихся отраслевых пропорций.

Хотя банковский сектор не является, конечно, единственной постиндустриальной альтернативой (или дополнением) по отношению к углю и стали, он представляется оптимальным объектом для изучения – как в силу относительно широкого географического распространения, так и по причине наличия в свободном доступе разнообразных статистических данных. Следует подчеркнуть и то, что банковская отрасль обычно становится полем активного формирования квалифицированных рабочих мест и источником больших налоговых поступлений в бюджеты различного уровня.

Наконец, важную роль в выборе объекта исследования играет и некоторое сходство в эволюции кредитно-финансовых систем США и России. Конечно, Америка с ее практически непрерывной историей демократических институтов и рыночной экономики никогда не знала той степени государственного диктата и централизации, в которой работала банковская система нашей страны на протяжении почти всего советского периода. Но все же и в США финансисты сталкивались с множеством ограничений. Еще в первые десятилетия существования североамериканского государства сложный комплекс интересов, имевшихся у деловых и политических элит регионального уровня, привел к тому, что банки не имели права работать за пределами своих штатов (а часто и своих городов). Позднее «новый курс» президента Ф.Д. Рузвельта, ставший ответом на кризис 1929–1933 гг., принес дополнительные ограничения, касавшиеся возможности выхода на фондовый рынок и ряда других вопросов. Только на рубеже 1970–1980-х гг., когда стало очевидным, что комплекс архаических правил снижает эффективность американских банков и ослабляет их перед лицом иностранных конкурентов, администрации Дж. Картера (1977–1981 гг.) и Р. Рейгана (1981–1989 гг.) инициировали постепенную либерализацию кредитного сектора. Несколько позже, с 1987–1988 гг., и при резко отличавшихся стартовых условиях, началось развитие свободного банковского дела и в Советском Союзе. Таким образом, с неизбежной оговоркой о лишь очень отдаленном сходстве исторических судеб, обе страны в 1980-е гг. стали продвигаться по пути кредитно-финансовой либерализации, что дает дополнительные основания для синхронного мониторинга дальнейших перемен, а также для формирования на этой основе некоторых обобщений и выводов.

Методы исследования

Важнейшей опорой проведенного исследования являются статистические данные, которые отражают уровень развития банковского сектора в ряде городов США и России от 1980–1990-х гг. до настоящего времени. Основная часть исходных материалов представлена на официальных сайтах Банка России [2], Архивной системы Федерального резерва США для экономических исследований [18] и Федеральной корпорации США по страхованию вкладов (ФКСВ) [16]. Во всех названных случаях публикуются отчетные данные отдельно по каждой финансовой компании (это прежде всего величина ее активов), которые затем необходимо сгруппировать по городам. Для максимальной точности и надежности исследования вычисление общегородских показателей проводилось с шагом в один год. Необходимая поправка с учетом темпов инфляции была проведена на основе сводок, публикуемых Статистическим отделом ООН [30]. Источником информации о слияниях, поглощениях, переездах и иных событиях корпоративного уровня послужили различные реестры ФКСВ [16; 17] и Банка России [1]. Привлекались также демографические данные, источником которых стали официальные сайты Федеральной службы государственной статистики России [14] и Бюро переписей населения США [31].

Основную фокус-группу составили 10 городов: Бирмингем (штат Алабама), Буффало (штат Нью-Йорк), Детройт (штат Мичиган), Кливленд (штат Огайо) и Питтсбург (штат Пенсильвания) в США, а также Екатеринбург, Ижевск, Кемерово, Магнитогорск и Челябинск в России. Выбор именно этих центров объясняется не только исторически сложившимся преобладанием угледобычи, черной металлургии или тяжелого машиностроения в экономике самих этих городов и их ближайших окрестностей, но также последующими успехами в банковской сфере. Все названные центры отличаются большой численностью населения, но при существенном ее разбросе (от 680 тыс. (4,29 млн с агломерацией) в Детройте до 210 тыс. (1,15 млн с агломерацией) в Бирмингеме; от 1,46 млн в Екатеринбурге до 420 тыс. в Магнитогорске), что обеспечивает дополнительную диверсификацию исследования. Кроме этого, широкая вариация изучаемого материала достигается за счет включения в список городов из разных регионов – Северо-востока, Среднего Запада и Юга в США, Урала и Западной Сибири в России.

Значительную роль в исследовании играет и неколичественная информация, доступная, например, в периодической печати и мемуарной литературе [15; 20; 21; 23]. Таким образом, к объективной статистической основе добавляются важные исторические сведения, что позволяет в итоге воссоздать многоплановую картину событий.

Результаты исследования

Полученные статистические данные (в сокращенной версии, то есть с двухлетними интервалами) отражены в табл. 1–3. В двух случаях (табл. 1 и 3) перед нами динамика банковских активов, отдельно по российским и американским городам пересчитанная с поправкой на инфляцию и приведенная к постоянному уровню цен 2005 г. Поскольку Банк России публикует на своем сайте балансовую отчетность кредитных организаций, начинающуюся лишь с 1998–1999 гг., для предшествующего времени приходится использовать упрощенную характеристику – доли каждого города в общих показателях Российской Федерации по количеству действующих банков. Именно эти данные, с продлением до 2016 г., представлены в табл. 2. Очевидно, что эти статистические ряды, при всей их собственной выразительности, требуют дополнительных комментариев в хронологическом порядке и с отдельным рассмотрением ситуации по странам.

Таблица 1

Суммарные активы банковских холдингов в отдельных городах США, 1978–2016 гг. (на начало указанного года; млрд долл. в постоянных ценах 2005 г.)

	1978г.	1980г.	1982г.	1984г.	1986г.	1988г.	1990г.	1992г.	1994г.	1996г.
Бирмингем	17	17	13	16	20	26	28	39	55	76
Буффало	34	36	3	3	4	8	36	33	13	15
Детройт	43	42	41	43	53	63	65	68	90	44
Кливленд	34	37	35	32	46	52	57	55	75	126
Питтсбург	38	44	51	62	82	92	105	97	142	158

	1998г.	2000г.	2002г.	2004г.	2006г.	2008г.	2010г.	2012г.	2014г.	2016г.
Бирмингем	102	169	171	181	166	137	128	110	103	109
Буффало	16	25	34	52	54	60	62	97	105	134
Детройт	43	44	61	55	52	0,2	50	75	84	92
Кливленд	155	234	263	276	236	238	92	85	86	86
Питтсбург	147	138	113	101	123	123	239	233	265	303

Примечание. Расчеты выполнены на основе [16; 18; 30].

Таблица 2

Доли отдельных городов России в общем количестве действующих в стране* банков, 1990–2016 гг. (на начало указанного года; в процентах)

	1990г.	1992г.	1994г.	1996г.	1998г.	2000г.	2002г.
Екатеринбург**	4,62	1,69	1,95	1,53	1,37	1,44	1,64
Ижевск	0	0,38	0,80	0,66	0,89	0,68	0,70
Кемерово	0,77	0,38	0,50	0,53	0,65	0,68	0,39
Магнитогорск	0	0,08	0,05	0	0	0,08	0,08
Челябинск	1,54	0,77	0,55	0,57	0,53	0,68	0,70

	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016
Екатеринбург**	1,80	1,74	1,74	1,69	1,41	1,52	1,47
Ижевск	0,62	0,66	0,73	0,70	0,43	0,23	0,29
Кемерово	0,39	0,33	0,37	0,40	0,43	0,47	0,44
Магнитогорск	0,08	0,08	0,09	0,10	0,11	0,12	0,15
Челябинск	0,70	0,83	0,82	0,89	0,76	0,70	0,74

Примечания. * – РСФСР до декабря 1991 г.; ** – Свердловск до сентября 1991 г.
Расчеты выполнены на основе [1; 2].

Таблица 3

**Суммарные активы банков в отдельных городах России, 1998–2016 гг.
(на начало указанного года; млрд рублей в постоянных ценах 2005 г.)**

	1998г.	2000г.	2002г.	2004г.	2006г.	2008г.	2010г.	2012г.	2014г.	2016г.
Екатеринбург	35	31	43	66	87	123	121	123	155	184
Ижевск	4	2	6	7	6	10	10	11	15	12
Кемерово	17	6	4	4	0,5	0,8	0,8	1	1	0,9
Магнитогорск	0	2	6	8	9	11	9	8	9	9
Челябинск	11	10	11	18	28	37	37	34	31	30

Примечание. Расчеты выполнены на основе [2; 30].

Обсуждение

Период 1980–1990-х гг.

В США, как уже было упомянуто, либерализация банковской системы наметилась в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Первым значительным шагом на этом пути стало принятие в 1980 г. закона «О дерегулировании», отменившего прежние ограничения по уровню депозитных ставок [25]. Еще через два года закон Гарна–Сент-Джермена разрешил банковским холдингам в особых случаях устанавливать контроль над банками, находящимися в других штатах (здесь необходимо заметить, что в США со второй половины XX в. ключевой формой организации частного кредитного бизнеса стали не банки, а именно холдинги, каждый из которых может контролировать то или иное количество банков – от одного до нескольких десятков. Во всех расчетах и комментариях, относящихся к США, здесь и далее будут фигурировать именно холдинги) [27]. В 1984–1985 гг. новый важный шаг к формированию единого финансового пространства был сделан через серию соглашений между некоторыми соседствующими штатами, которые договорились о взаимном открытии «банковских границ». В 1987 г. еще один федеральный закон расширил перечень тех случаев, когда холдинги могли бы присоединять к себе банки в других штатах [24]. Наконец, в 1994 г. знаменитый закон Ригла–Нила [29] окончательно отменил географические ограничения и предоставил финансовым компаниям возможность свободно выстраивать бизнес в масштабе всей страны.

При новых «правилах игры» расстановка сил в отрасли стала быстро изменяться. Наиболее успешные и эффективно управляемые корпорации получили возможность выйти на новые рынки и существенно увеличить масштабы своей деятельности. В другой категории, явно превосходившей первую по численности, оказались те финансовые структуры, которые проиграли в условиях обострившегося соперничества и были поглощены процветающими и динамичными конкурентами. Соответственно, аналогичные изменения происходили и на уровне городов: центры, обладавшие мощными кредитными компаниями, теперь все быстрее уходили в отрыв от ближних и дальних соседей. Межгородское расслоение, обозначившееся в США еще в первой половине 1980-х гг. и резко усилившееся в 1990-е гг., фиксируется с помощью различных математических инструментов, прежде всего, через вычисление среднеквадратического отклонения (СКО) индивидуальных показателей [9. С. 131–132, 135–136].

Среди городов, добившихся на этом этапе значительных успехов, оказались и некоторые исторические центры тяжелой индустрии. К началу 1980-х гг. представителям рассматриваемой группы принадлежало довольно заметное место в банковской сфере. Капиталы, ранее накопленные в горном деле, машиностроении или металлургии позволили Питтсбургу, Детройту, Кливленду и Буффало занять позиции на границе первого и второго десятков в иерархии ведущих кредитных центров США. Активы холдингов, зарегистрированных в каждом из этих городов, составляли порядка 17–20 млрд долл. Несколько отставал от этого квартета Бирмингем (20-е место, 8 млрд), но и он, несомненно, доминировал в финансовых показателях своего штата Алабама и некоторых соседних территорий (здесь и далее информация о ранговых позициях американских городов и о суммарных активах местных корпораций приводится по результатам расчетов, которые были проведены автором на основе упомянутых статистических сводок [16; 18]. Данные по активам, если они представлены непосредственно в тексте, указываются в текущих ценах – в отличие от данных в табл. 1 и 3, где проведена корректировка на уровень инфляции).

Вскоре, однако, траектории этих городов заметно разошлись. На заре нового времени наиболее успешным выглядел Питтсбург, где с давних пор наблюдалось очень тесное переплетение финансо-

вого и промышленного капитала, особенно через семью Меллонов [12. С. 53]. Ведущие банковские группы “Mellon National Bank” и “PNC Financial Corp” демонстрировали хорошие темпы роста и занимались расширением своего территориального влияния: если в 1980-е гг. основной зоной интересов для питтсбургских гигантов по-прежнему остался собственный штат Пенсильвания, то в следующем десятилетии произошел уверенный выход на рынки Нью-Йорка и Новой Англии.

Обращали на себя внимание и неплохие адаптационные способности Детройта. Холдинг “NBD Bancorp”, исторически связанный с автогигантом “General Motors”, а также постепенно оформившаяся к началу 1990-х гг. новая детройтская группа “Comerica”, в условиях экономической либерализации освоили целый ряд перспективных географических направлений, включая, например, соседнюю Индиану и неблизкие южные штаты – Флориду и Техас. Позднее председатель ФКСВ Уильям Сидмен давал высокую оценку финансистам из «города моторов» и всего Мичигана: «Взлеты и падения были привычными для экономики, основанной на автомобилестроении, и банкиры помнили об этом, когда строили планы и выдавали кредиты. Потому спекуляции с недвижимостью были не в моде, а финансовая система не переживала ажиотажа, но была здоровой» [23. Р. 163]. Правда, в 1995 г. “NBD Bancorp” влился в новый банковский холдинг с центром в Чикаго, после чего показатели Детройта резко упали – но все же остались, в основном благодаря успехам “Comerica”, стабильными и относительно высокими.

Кливленд, немного задержавшийся на старте, набрал очень высокую скорость в 1990-е гг. Ведущую роль в местном финансовом сообществе играл холдинг “KeyCorp”, основатели которого подчеркивали, что размещение штаб-квартиры (57-этажного небоскреба “Key Tower”) именно в Кливленде объяснялось наличием в городе очень хорошего аэропорта и низкими налогами штата Огайо [20. 05.10.1993]. Усилия “KeyCorp”, а также и другого местного холдинга, “National City Corporation”, быстро вывели Кливленд в число крупнейших финансовых центров США.

Активно использовал новые возможности и Бирмингем – мощный сталелитейный центр, нередко именовавшийся «Питтсбургом Юга» [13. С. 188]. В этом случае очень важным фактором стало подписанное в 1987 г. соглашение Алабамы с 12 другими штатами и Федеральным округом Колумбия о взаимном открытии своих границ для банковской экспансии. Почти сразу после этого “AmSouth Bancorporation”, “SouthTrust Corporation” и другие финансовые дома Бирмингема начали осваивать перспективные рынки множества других штатов – например, Джорджии, Флориды, Техаса и Северной Каролины. Бирмингем вносил очень заметный вклад в смещение банковской активности в южные районы США, отмеченное в ряде публикаций [8. С. 57-62; 10].

Средними, по сравнению с показателями четырех рассмотренных городов, выглядели достижения Буффало. Впрочем, в 1990-е гг. холдинг “M&T Bank Corporation” являлся опорой для британской финансовой группы HSBC при ее продвижении в Соединенных Штатах [22. Р. 50-67, 128-129]. Таким образом, Буффало вовсе не выглядел безнадежной банковской периферией.

К концу 1990-х гг., по итогам почти двадцатилетней работы в условиях расширившейся рыночной свободы и обострившейся конкуренции, рассматриваемые старопромышленные города США смогли, хотя и в разной мере, проявить способность к гибким трансформациям и превращению исторических индустриальных достижений в успехи на финансовом поле. По данным на январь 2000 г. Кливленд с показателем 208 млрд долл. занимал шестое место среди крупнейших банковских центров страны; далее следовали Бирмингем (8-е место, 150 млрд), Питтсбург (9-е место, 123 млрд), Детройт (18-е место, 40 млрд) и Буффало (25-е место, 22 млрд). Следует еще раз подчеркнуть, что отставание Детройта и Буффало выглядело на этом этапе значительным, но совсем не катастрофическим.

Для позднего СССР, а затем и для постсоветской России переход к новым принципам развития кредитной деятельности начался с проведенной в 1987 г. реформы госбанков, а затем, в гораздо большей степени, с принятого в 1988 г. союзного закона «О кооперации» [4; см. также: 6. С. 95–111]. Теперь, впервые за много десятилетий, был открыт путь к появлению в России частного кредитного бизнеса. Следующий рывок произошел во второй половине 1990 г., когда на базе региональных подразделений госбанков были созданы сотни новых кредитных организаций. В результате уже к началу основного тура рыночных реформ, развернувшихся зимой 1991–1992 гг., в стране действовало такое количество банков, которое позволяет, фиксируя их распределение по городам, делать на этой базе статистически обоснованные выводы.

К началу 1992 г. среди рассматриваемого здесь квинтета российских индустриальных центров по количеству собственных банков уверенно лидировал Екатеринбург (22 из 1300 банков, существо-

вавших тогда во всей стране); далее следовали Челябинск (10), Ижевск и Кемерово (по 5) и Магнитогорск (1) (вновь следует заметить, что все расчеты по количеству банков, как и последующие данные по величине активов и ранговым позициям городов, опираются в конечном итоге на официальные сведения Банка России [1; 2]). Подобное распределение очень четко показывало серьезную заявку Екатеринбурга на лидерство в этом ряду городов и даже на всероссийский успех, сделанную практически в самом начале рыночного пути, а также попытку Челябинска стать мощным финансовым центром, как минимум, регионального масштаба.

Более точное представление можно получить при использовании данных по банковским активам или иным показателям, отражающим масштабы корпораций. Как уже было отмечено, сайт российского ЦБ позволяет отслеживать такую отчетность не ранее, чем с 1998–1999 гг. Однако проблема может быть частично решена при обращении к рейтингам крупнейших банков, появившимся в российской деловой прессе еще с 1993 г. [например: 7. 19.05.1993, 18.05.1994, 11.06.1995, 28.11.1997].

Проведенные на этой основе расчеты до некоторой степени дополняют картину, построенную на основе простых замеров по количеству банков. Так, к началу 1996 г. [3. 24.04.1996] – на этот раз не по активам, а по собственному капиталу – Екатеринбург (462 млрд неденоминированных рублей), Челябинск (340 млрд) и Кемерово (256 млрд) уверенно входили в число ведущих банковских центров России, занимая, соответственно, четвертое, пятое и шестое места. Хотя ситуация по активам, которые пресса тогда измеряла на основе разных конкурирующих методик, выглядела не настолько впечатляющей, мощный старт названных городов не вызывал сомнений.

Безусловно, во всех трех случаях очень большую роль играл исторический промышленный фундамент. Почти все ведущие финансовые корпорации в этих городах были основаны в 1990 г. на базе советских госбанков – точнее, их местных структур, тесно связанных с гигантской индустрией Урала и Западной Сибири. В частности, Свердловское областное управление Промстройбанка трансформировалось тогда в Уралпромстройбанк, Челябинское – в Челиндбанк, а Кемеровское – в Кузбасспромбанк. В Ижевске аналогичным образом возник Удмуртпромбанк, переименованный с 1991 г. в банк «Евразия», но его бизнес все же не достигал таких масштабов, как у восточных соседей.

Несколько иная ситуация складывалась в Магнитогорске – единственном для этого исследовании российском городе, который не является административным центром в своем субъекте Федерации. В большинстве районов страны при реформировании госбанков новые бизнес-структуры обычно формировались на основе областных или краевых, а не городских или районных, подразделений. В эту преобладающую схему укладывалась и Челябинская область, где основная часть советского финансового потенциала досталась областному центру. Магнитогорск, оказавшись в тени Челябинска, долгое время демонстрировал очень низкие банковские показатели, по крайней мере, для крупного города с гигантским металлургическим производством.

Между тем на кредитно-финансовую систему России, еще не вполне завершившую период своего становления, обрушилось новое испытание – краткосрочный, но чрезвычайно острый экономический кризис 1998 г. Среди рассматриваемых городов особенно большие потери на банковской сфере поле наблюдались в Кемерово. Там в очень тяжелом положении оказались сразу в ведущие корпорации, Кузбасспромбанк и Кузбассоцбанк, на которые общей сложности приходилось 63 % от всех активов кредитных структур, базировавшихся в Кемеровской области [11. С. 127]. Вскоре эти банки лишились лицензий и общие позиции столицы Кузбасса в общероссийском кредитном пространстве резко ухудшились.

Значительные трудности пережили тогда же банковские системы Ижевска и Челябинска. Зато более устойчивой выглядела ситуация в Екатеринбурге, где к этому времени имелся огромный кластер финансовых компаний – как возникших на советской базе, так и происходивших уже из новой деловой среды. В случае неудач одного – двух банков, даже принадлежавших к числу местных лидеров, в городе обязательно находились и другие игроки, которые, выдвинувшись в первый ряд, поддерживали общие показатели Екатеринбурга на высоком уровне.

К началу 2000 г. в рассматриваемой пятерке городов наблюдалась выраженная дифференциация. В Екатеринбурге суммарные активы местных банков составляли почти 14 млрд денонминированных рублей, что обеспечивало городу четвертое место в общероссийской отраслевой иерархии. Заметно отстал от лидера Челябинск (10-е место, 4,4 млрд), далее располагались Кемерово (17-е место, 2,6 млрд), Магнитогорск (38-е место, 1,1 млрд) и Ижевск (39-е место, 1 млрд).

Период 2000-х – 2010-х гг.

Для банковского бизнеса **США** рубеж XX–XXI вв. стал тем временем, когда был сделан еще один важный шаг на пути расширения рыночной свободы. Закон Грэмма–Лича–Блайли [28], принятый в 1999 г. и во многом определивший вектор развития событий в следующем десятилетии, окончательно устранил существовавшие еще со времен Ф.Д. Рузвельта барьеры между классической банковской деятельностью и фондовым рынком. Еще активнее, чем раньше, банки стали погружаться в сложные «игры» с ценными бумагам и производными финансовыми инструментами, в том числе и с теми, которые были привязаны к ипотечным кредитам.

На этом этапе, сохраняя быстрорастущую динамику 1990-х гг., продолжал подниматься на очень высокие «ступени» Кливленд. Хотя кливлендский холдинг “Charter One Financial” перешел в 2004 г. под контроль гигантской группы RBS из Великобритании, самостоятельность сохраняли два других локомотива местного кредитного бизнеса. При этом один из них – уже упоминавшийся “KeyCorp” – придерживался довольно осторожной тактики и ограничивался умеренными темпами роста, а другой – холдинг “National City Corporation” – активно продвигался в чрезвычайно популярную тогда сферу ипотеки. Ключевое значение в этом плане имело установление контроля “National City” над огромным специализированным банком “First Franklin Financial Corp” в северной Калифорнии, то есть в районе, переживавшем особенно мощный бум жилищного строительства.

По сравнению с кливлендским “National City”, некоторую сдержанность в ипотечных вопросах проявляли финансовые круги Питтсбурга. Вероятно, это было связано с негативным опытом конца 1990-х гг., когда разорился глубоко вовлеченный в рискованные жилищные кредиты и активно работавший в Питтсбурге банк “First National Bank of Keystone” из Западной Виргинии [15. Р. 128]. Кроме этого, исторически очень важный для города холдинг “Mellon Financial” в 2006 г. был присоединен к нью-йоркскому финансовому конгломерату BoNY. Как писала тогда ведущая местная газета, «уход из Питтсбурга штаб-квартиры “Mellon”, основанного 137 лет назад, означает потерю еще одной корпоративной иконы в городе, и без того уже многое потерявшем за последние десятилетия» [21. 05.12.2006]. Впрочем, довольно высокие показатели «стального города» продолжала поддерживать финансовая группа PNC, выглядевшая достаточно стабильной и надежной.

В чем-то похожей была ситуация в Бирмингеме, где, с одной стороны, крупный холдинг “Compass Bancshares” был поглощен испанским финансовым объединением BBVA, а с другой – сохранил хорошую динамику флагманский “Regions Financial”. В Буффало с 2002 г. у группы “M&T” большой пакет акций перешел к ирландской корпорации “Allied Irish Banks” [20. 27.09.2002], но при сохранении юридической и коммерческой самостоятельности американского партнера и, соответственно, без урона для показателей данного города.

Зато резко негативными оказались перемены в банковской судьбе Детройта. Постепенное ослабление знаменитого автомобилестроительного кластера, связанное с дороговизной местной рабочей силы и перемещением производства в другие страны и регионы, уже давно не воспринималось как новость. Но именно с приходом XXI в. эти тенденции приняли особенно драматический характер. Перепись 2000 г. зафиксировала тот факт, что Детройт стал первым в США миллионным городом, покинувшим эту престижную категорию. Новое десятилетие принесло с собой дальнейшее сокращение рабочих мест, еще более ускорившуюся депопуляцию, упадок муниципальной инфраструктуры и другие бедствия [19. Р. 8, 23-24; 32. Р. 23-25, 181]. На таком фоне самый крупный в Детройте кредитно-финансовый холдинг “Comerica Incorporated” в 2007 г. перевел свою штаб-квартиры в Даллас (штат Техас), что вызвало обвальное падение банковских показателей «города моторов».

Вскоре, однако, неудачи Детройта стали выглядеть вполне локальной темой на фоне «Великой рецессии» – тяжелого экономического кризиса 2008–2009 гг., который был тесно связан с недостаточным уровнем ответственности при выдаче ипотечных кредитов, явно спекулятивным характером многих банковских схем, а также с перепроизводством сложных и рискованных финансовых инструментов. Принятый в ответ на эту ситуацию закон Додда–Фрэнка (2010 г.) [26] впервые за очень долгое время приостановил движение в сторону дерегулирования банковского дела и ввел некоторые дополнительные механизмы правительственного контроля над рыночной стихией.

Непосредственно во время кризиса или вскоре после него кредитная отрасль пережила новую волну банкротств, слияний и поглощений. Не могли остаться в стороне от происходящего и рассматриваемые здесь города. Наиболее масштабным событием оказалось драматическое завершение истории кливлендского “National City”, пострадавшего из-за активного участия в ненадежных сегментах

ипотеки, особенно на калифорнийском рынке. Находящийся на грани полного крушения “National City” в 2008 г. при поддержке федеральных инстанций был выкуплен холдингом “PNC Financial Services” из Питтсбурга. Соответственно, общие показатели Кливленда, опирающиеся теперь лишь на “Key Corp”, резко снизились, тогда как Питтсбург вновь выдвинулся на очень высокие позиции. В давнем соперничестве этих соседних городов, имевших много общего в их индустриальном и постиндустриальном развитии, была перевернута еще одна важная страница.

С относительно небольшими потерями прошли через кризис 2008–2009 гг. ведущие банковские холдинги Бирмингема (“Regions Financial”) и Буффало (“M&T”). Своеобразная ситуация наблюдалась в Детройте, который еще в 2007 г. потерял группу “Comerica”, но вскоре стал местом формирования новой крупной корпорации “Ally Financial”. Этот кредитный холдинг, отчасти связанный с автогигантом “General Motors” и управляющий активами порядка 100 млрд долл., вернул Детроиту номинально высокий ранг в национальной банковской системе. Все это, однако, едва ли могло восприниматься как большой и самостоятельный успех детройтского бизнеса, поскольку “Ally Financial” стал одним из важнейших каналов, через которые осуществляется федеральная антикризисная поддержка штата Мичиган и его автомобильной промышленности.

В целом же с 2010–2011 гг. показатели американских банков и их базовых городов вошли в полосу относительной стабильности, чему способствовал устойчивый, хотя и относительно медленный, рост экономики Соединенных Штатов, помноженный на сдерживающие эффекты закона Додда–Франка.

В новой контрольной точке (январь 2016 г.), которая может считаться условным моментом завершения исследуемого периода, Питтсбург при активах около 370 млрд долл. оказался на шестом месте в рейтинге крупнейших банковских центров США – то есть несколько выше, чем любой из рассматриваемых центров в начале 1980-х гг. Остальные города расположились теперь в следующем порядке: Буффало (10-е место, 164 млрд), Бирмингем (14-е место, 133 млрд), Детройт (16-е место, 112 млрд) и Кливленд (18-е место, 105 млрд). 36-летняя история падений, взлетов и перестановок, которые могут показаться достаточно случайными и хаотическими, все же позволяет сделать уверенный вывод о способности отдельных старопромышленных центров превращаться в успешные финансовые метрополии (что было продемонстрировано Питтсбургом).

Для банковской системы *России* 2000-е гг. начинались с перехода к работе в непривычно благоприятных условиях – при уверенно растущей национальной экономике и замедляющихся темпах инфляции. К тому же теперь, когда завершилась фаза становления банковских механизмов, пришло время заняться их совершенствованием. Ключевым событием в этом плане стало принятие в 2003 г. закона «О страховании вкладов» [5], который надежно защитил основную часть средств, помещенных в банки частными лицами. Следует заметить, что в США такая система была создана еще в 1930-е гг., то есть значительно раньше, чем почти во всех остальных странах мира.

На этом этапе, как и можно было ожидать, наиболее значительные успехи демонстрировал Екатеринбург. Огромный финансовый кластер, состоявший примерно из 20-ти кредитных компаний, по-прежнему отличался общей устойчивостью и динамичностью даже в случае исчезновения его отдельных компонентов. В этом деловом сообществе могли меняться лидеры (Уралпромстройбанк до 1999 г., «Золото-Платина» в 2000–2001 гг., Уральский банк реконструкции и развития (УБРИР) в 2002 г., «Северная казна» в 2003–2005 гг., и вновь УБРИР с 2006 г.), оно могло нести заметные потери (произошедшее в 2005 г. присоединение Уралпромстройбанка к Промстройбанку (Санкт-Петербург); последовавшее в 2006 г. поглощение банка «Золото-Платина» со стороны челябинского Мечел-банка, а Уралвнешторгбанка – со стороны Урса-банка из Новосибирска), но коллективный результат не вызывал сомнений. При активах, выросших с 14 млрд рублей в 2000 г. до 190 млрд в 2008 г., Екатеринбург держался на четвертом – пятом местах в ряду крупнейших банковских центров всей России. Немалый вклад в эти достижения вносил и индустриальный фактор. Разнообразные деловые связи с мощной промышленностью Среднего Урала были очень важны не только для банков, выросших из советской финансовой системы (Уралпромстройбанк, СКБ-Банк и др.), но и для представителей следующего поколения – таких, как УБРИР, тесно взаимодействующий с цветной металлургией.

Неплохая динамика, хотя и при существенно меньших объемах деятельности, наблюдалась и в Челябинске. Двумя оплотами местного бизнеса неизменно оставались Челиндбанк и Челябинвестбанк, сформировавшиеся на основе финансовых институтов времен позднего СССР. В 2005 г., после переезда из Кемеровской области, к челябинскому деловому сообществу добавился Углеметбанк,

связанный с горнодобывающим и сталелитейным концерном «Мечел». Суммарные активы, преодолевшие в 2007 г. отметку 50 млрд рублей, позволяли Челябинску находиться на границе первого и второго десятков в общероссийском банковском рейтинге городов.

На этом же этапе наметилось оживление отраслевой деятельности в Ижевске и Магнитогорске. В первом случае основную роль играл Ижладабанк (с 2008 г. – БыстроБанк), создавший значительную филиальную сеть в Удмуртии и за ее пределами, а во втором – Кредит Урал Банк (КУБ), сложившийся как крупная корпорация с центром в Магнитогорске только на рубеже 1990–2000-х гг. По величине активов КУБ вполне мог соревноваться с любым из ведущих банков Челябинска, но общие показатели областного центра, где действовала целая группа финансовых компаний, были намного выше. Что же касается Кемерово, то его банковский сектор, так и не восстановивший показатели после обвала 1998–2000 гг., оставался величиной лишь субрегионального значения.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг., уже рассмотренный в связи с США, многое изменил и в банковской системе России, включая исследуемую группу городов. Так, в Екатеринбурге большие потери понес очень крупный банк «Северная казна», который в 2011 г. окончательно исчез как самостоятельный бизнес, влившись в состав московского Альфа-банка. Тогда к еще одной столичной компании – банку «Открытие» – присоединился Свердловский губернский банк. В целом на протяжении 2009–2011 гг. показатели Екатеринбурга, взятые с поправкой на инфляцию, заметно снизились, хотя, конечно, и остались самыми высокими в рассматриваемой пятерке промышленных центров. Челябинск непосредственно от кризиса пострадал в меньшей степени, но явно утратил динамику в последующий период, в результате все больше отставая от своего географического соседа.

Кроме этого, с 2013 г. заметную роль стал играть новый фактор: резкое ужесточение подходов российского Центробанка к соблюдению кредитными организациями различных нормативов и, соответственно, массовый отзыв лицензий у нарушителей. По всей стране, в том числе и в рассматриваемых здесь городах, количество действующих банков стало быстро сокращаться. Несомненно, свой вклад в эти процессы внес и наблюдавшийся с 2014 г. экономический спад. Впрочем, практически все ведущие для своих городов кредитные корпорации (УБРИР и СКБ-Банк в Екатеринбурге, Челиндбанк и Челябинвестбанк в Челябинске, БыстроБанк в Ижевске, КУБ в Магнитогорске и Кемсоцинбанк в Кемерово) проявили устойчивость, надежность и умение работать в непростых условиях. В этом смысле ситуация в изучаемой фокус-группе оставалась стабильной, а соотношение сил между городами почти не менялось.

К началу 2016 г. еще более уверенным выглядело лидерство Екатеринбурга (четвертое место в России – после Москвы, Санкт-Петербурга и Казани; суммарные активы, составившие более 569 млрд рублей). Челябинск с показателем 93 млрд рублей откатился на 18-е место: все это представлялось довольно слабым результатом и с учетом огромного потенциала города, который насчитывает 1,2 млн жителей, и в свете относительно недавних достижений южно-уральской столицы непосредственно на банковском поле. Другие города, также обладающие немалыми возможностями, выглядели еще менее убедительно. Ижевск находился на 26-м месте (38 млрд), Магнитогорск – на 33-м (29 млрд), а Кемерово – на 86-м (2,7 млрд). Превосходство, например, Екатеринбурга над Кемерово (примерно в 207 раз), далеко превысившее умеренную стартовую разницу конца 1980-х – начала 1990-х гг., подчеркивало то, насколько сильно могут разойтись пути исторических промышленных городов в рыночных и постиндустриальных условиях.

Заключение

Уже довольно длительный период, доступный для наблюдений (почти 30 лет в России и более 35-ти лет в США), дает основания для некоторых выводов. Перед историческими «бастионами индустрии», даже если им удастся сохранить существенную часть традиционной производственной базы, в условиях глобализации и ускоряющегося технологического прогресса встает задача найти альтернативные – или как минимум дополнительные – векторы экономического развития. Одним из наиболее перспективных вариантов может стать развитие банковского сектора, способного создавать квалифицированные рабочие места и являющегося источником больших налоговых платежей, а также помогающего направлять имеющиеся сбережения в наиболее перспективные проекты. В больших промышленных городах часто имеется накопленный капитал, достаточный для развития самостоятельного кредитного бизнеса не только местных или региональных масштабов.

Взятые в качестве, конечно, не исчерпывающего, но представительного ряда 10 городов США и России продемонстрировали на протяжении 1980–2010-х гг. резко различающиеся результаты. Данное обстоятельство перекликается с общим выводом о нарастающей дифференциации индивидуальных банковских показателей, который ранее был сделан автором на основе сводок, охвативших по 200 городов в двух странах [9].

Особенно ярко такое расхождение проявилось в России, где Екатеринбург, уже в самом начале 1990-х гг. заявивший о себе как мощный банковский центр, на протяжении следующих десятилетий почти неуклонно увеличивал отрыв от потенциальных конкурентов. Кроме этого, в российском случае дополнительные преимущества в финансовой сфере получали города, являющиеся административными центрами субъектов Федерации (показанное здесь лидерство Челябинска по отношению к Магнитогорску является далеко не единственным примером) и обладают большей численностью населения (в данной группе – Екатеринбург и Челябинск по отношению к Ижевску, Кемерово и Магнитогорску).

В США успехи рассматриваемых городов некоторое время были сопоставимы. Однако в дальнейшем, по мере ослабления юридических регламентаций и обострения корпоративного соперничества, все чаще стали происходить слияния и поглощения, особенно со стороны нью-йоркских, калифорнийских или зарубежных финансовых гигантов. После длительных ранговых перестановок, уже на фоне стабилизации 2010-х гг., обозначилось устойчивое лидерство Питтсбурга. При этом в США не имели принципиального значения такие факторы, как численность населения или политико-административный статус городов.

Опыт Питтсбурга (а также, вслед за ним Бирмингема, Буффало и Кливленда) в США и опыт Екатеринбурга (и в какой-то мере Челябинска) в России показывает, что некоторые из классических центров тяжелой индустрии могут становиться важными финансовыми узлами, однако успех в этой относительно непривычной для них сфере все еще не выглядит устойчивым и безоговорочным. Лишь дальнейший мониторинг ситуации позволит оценить способность этих городов (или тех, которые попытаются к ним присоединиться) сохранять значительный вес в национальных банковских системах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Банк России. Информационно-аналитические материалы. Банковский сектор. URL: <https://www.cbr.ru/analytics/?PrId=bnksyst>
2. Банк России. Информация по кредитным организациям. Справочник по кредитным организациям. URL: <https://www.cbr.ru/credit/main.asp>
3. Деньги. 24.04.1996.
4. Закон «О кооперации в СССР» (Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI).
5. Закон «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» (Федеральный Закон РФ от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ).
6. Кирсанов Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР. М.: Изд-во «И.П. Каширин», 2011. 200 с.
7. Коммерсантъ. 19.05.1993, 18.05.1994, 11.06.1995, 28.11.1997.
8. Лузанов А.Н. География банковской деятельности. М.: МАКС Пресс, 2002. 252 с.
9. Никитин Л.В. География банковского сектора в США и России: параллели и различия (1980-е – начало 2010-х годов) // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 128-140.
10. Никитин Л.В. Притяжение Юга: исторические сдвиги в размещении банковского бизнеса США (1980-е – начало 2010-х гг.) // Вестн. Южн.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2014. Т. 14, № 4. С. 41-44.
11. Попков В.В. Банки на переходе. М.: ДеКА, 2001. 432 с.
12. Сахаров Н.А. Современная монополистическая элита США. М.: Междунар. отношения, 1991. 168 с.
13. Смирнягин Л.В. Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989. 379 с.
14. Федеральная служба государственной статистики России. Официальная статистика. Население. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography.
15. Bovenzi J. Inside the FDIC: Thirty Years of Bank Failures, Bailouts, and Regulatory Battles. Hoboken: Wiley, 2015. 223 p.
16. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Bank Data & Statistics. Institution Directory. URL: <https://www5.fdic.gov/idas/advSearchLanding.asp>.
17. Federal Deposit Insurance Corporation (FDIC). Industry Analysis. Failed Banks. Historical Statistics on Banking. URL: <https://www5.fdic.gov/hsob/SelectRpt.asp?EntryType=30>.

18. Federal Reserve Archival System for Economic Research (FRASER). Economic Data. URL: <https://www.fraser.stlouisfed.org/theme/21>.
19. Moretti E. The New Geography of Jobs. New York: Mariner Books, 2013. 304 p.
20. New York Times. 05.10.1993, 27.09.2002.
21. Pittsburgh Post-Gazette. 05.12.2006.
22. Roberts R., Kynaston D. The Lion Wakes: a Modern History of HSBC. London: Profile Books, 2015. 785 p.
23. Seidman W.L. Full Faith and Credit: The Great S&L Debacle and Other Washington Sagas. New York: Beard Books, 2000. 320 p.
24. The Competitive Equality Banking Act (CEBA) of 1987. Pub. L. 100–86.
25. The Depository Institutions Deregulation and Monetary Control Act (DIDMCA) of 1980. Pub. L. 96–221.
26. The Dodd–Frank Wall Street Reform and Consumer Protection Act of 2010. Pub. L. 111–203.
27. The Garn–St. Germain Depository Institutions Act of 1982. Pub. L. 97–320.
28. The Gramm–Leach–Bliley Financial Services Modernization Act (FSMA) of 1999. Pub. L. 106–102.
29. The Riegle–Neal Interstate Banking and Branching Efficiency Act (IBBEA) of 1994. Pub. L. 103–328.
30. United Nations Statistical Division. National Accounts Main Aggregates Database. URL: <http://www.unstats.un.org/unsd/snaama/dnlList.asp>.
31. United States Census Bureau. Population. Population Estimates. Historical Data. URL: <http://www.census.gov/popest/data/historical>.
32. Whitney M. Fate of the States: the New Geography of American Prosperity. New York: Penguin Group (USA), 2013. 272 p.

Поступила в редакцию 07.09.17

L.V. Nikitin

FINDING A WAY IN THE POST-INDUSTRIAL WORLD: TRADITIONAL INDUSTRIAL CENTERS OF THE USA AND RUSSIA IN THE NATIONAL BANKING SYSTEMS (1980s – 2010s)

Among the many economic and social issues common to Russia and the West for several decades, a special place belongs to the problem of adapting traditional centers of heavy industry to the conditions of global competition and post-industrial shifts. One of the most promising lines of further economic evolution for such cities is the development of the banking sector that can create skilled jobs and be an important source of tax revenue. The main objective of this article is to consider the results that have been achieved in the sphere of credit and finance by a number of American and Russian cities from the liberalization of national banking systems in the 1980s to the present. The research embraces 10 historical centers of the coal and metallurgical industry, as well as heavy engineering (Birmingham, Buffalo, Detroit, Cleveland and Pittsburgh in the USA; Yekaterinburg, Izhevsk, Kemerovo, Magnitogorsk and Chelyabinsk in Russia). The analysis is based on large arrays of statistical data, supplemented by non-quantitative information. The study shows that these cities, having in the 1980s a large starting potential for the formation and development of strong banking corporations, later showed sharply different and, very often, unstable indicators. Major changes occurred during the economic crises (the turn of the 1980s – 1990s, the turn of the 1990s – the 2000s, 2008–2009) and as a result of expansion of business from the largest financial centers (primarily from New York City or Moscow). Nevertheless, for the last 30–35 years, at least two examples of the establishment of old industrial centers as powerful financial dominants have been formed (Pittsburgh in the USA and Yekaterinburg in Russia), to which other cities can also be oriented.

Keywords: Russia, USA, 1980s – 2010s, old industrial cities, postindustrial development, banking.

Никитин Леонид Витальевич,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
454080, Россия, г. Челябинск, пр. Ленина, 69
E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru

Nikitin L.V.,
Candidate of History, Associate professor
at Department of World History
South Urals State Humanitarian Pedagogical University
prosp. Lenina, 69, Chelyabinsk, Russia, 454080
E-mail: lnd2001nikitin@mail.ru